

* * *

Уживитесь, даль и ветры,
Без межи и без вожжи
На одной десятой метра
Моей страждущей души.

Дело вовсе не в размере
И не в том, какая прыть.
Ковылями ходят нервы,
Значит, трудно просто жить.

Просто слышать, просто видеть,
Просто длить остаток лет,
Не любить и не обидеть,
Не слететь хоть раз в кювет.

И живёт, судьбой играя,
День за днём на сердце страсть:
Примирить, не примиряя,
Время, судьбы, лица, власть.

* * *

Возвращаюсь по сумрачной рани.
Двухэтажный экспресс скор и хмур.
На туманном перроне Рязани
Две минуты всего перекур.

Затянусь – и в вагон по ступеням
К чашке чая, газете, теплу.
За Рязанью пожалует темень,
Постучавшись дождём по стеклу.

Принимая как должное морось
С промелькнувшим в окне фонарём,
Поудобнее в кресле устроюсь,
Буду думать о чём-то своём.

До Воронежа вечером мгlistым
Рельсы сон мой в труху перетрут...
Поезд – рай для непознанных истин,
И понять их поможет маршрут.

* * *

Век мой белый, век мой красный,
Весь в бореньях поседелый,
Ты ужасный ли, прекрасный
Или просто обалделый.

Просто душу потрепавший,
Просто сердце простреливший...
Брат, в чужом краю пропавший,
Сват, в тайге сибирской сгнивший...

Кто ты мне, мой век-разбойник,
Резких красок злой метатель?
Прадед был кулак-раскольник,
Дед – партийный, председатель.

Красит лист октябрь подённо
В красный, в белый, в серебро ли...
Красный – с конницей Будённый,
Белый – Мамонтов, Шкуро ли...

Ты, Воронеж, в переливах
Цвета пёстр, в бывшее канул
Вихрем белого прорыва,
Маршем с красными полками.

В революцию, как в небо,
Вместе с памятью врываю...
Век прошёл, а мне бы, мне бы
Примириться как – не знаю.

* * *

– Покурим! Покурим! Покурим!
А слышу: – По коням! По коням!
Живём на Руси – бедокурим,
Лишай друг друга покоя.

Вот век проскочили – и что же?
Другой под копытом – а, чёрт с ним!..
– Покурим? – вдруг кто-то предложит.
– По коням! – аукнется чёрство.

* * *

– Ты откуда, народ?
– Из тесовых ворот.
– Знать, намыкался там, как нигде ещё?
– Коль признать, будто так,
Правды – ровно с пятак,
Не признать, то и вовсе с копеечку!

– А куда ты, народ?
– За крутой поворот,
Дальше уж – куда вынесут ноженьки.
– А не станешь жалеть?
– Так жалеть – не болеть:
Оклемаемся, глядь, понемноженьку.

– Что ты помнишь, народ?
– Помню щель у ворот:
В неё волюшку видели глазоньки.
– Воля душу пьянит...
– В пьяном горяшко спит
И тоска между рёбер не лазает.

* * *

Родина стареет вместе с нами,
Вместе с ульем в дедовом саду.
Ей не спится зимними ночами,
Долгими и злыми, как в аду.

Жить бы, ничего не опасаться,
Не зависеть сердцем от беды...
Вьюга за окошком скачет зайцем,
Путая от времени следы.

Родина стареет, как и мама
С мыслями: у всех она в долгу...
До последней клеточки до самой
Горько, что ничем не помогу.

Лучше бы не видеть, не терзаться,
Зоркий глаз не пялить в зеркала.
Что там может в сумрак отражаться,
Кроме мглы от чёрного крыла?

От Камчатки до балтийской чайки,
До кремлёвских башен и зубцов
Я – свидетель и живой участник
Всех её случившихся рубцов.

* * *

Сокрушаясь от собственных дат,
От накопленных швов и рубцов,
Сердце прыгнуло в свой самокат,
Чтоб вернуться зачем-то назад –
В колыбель изначальных годов.

Там мальчишки не знали ещё
Интернета и прочей муры.
Там Никита Сергеич Хрущёв
К кукурузе народ горячо
Приобщал – от Ухты до Куры.

Долго-долго катил самокат...
Из Афгана, потом из Чечни
Не везли ещё наших ребят,
Как подстреленных влёт журавлят,
В обстановке циничной брехни.

Спелым яблоком пахло в саду
Однорукого деда Кузьмы.
И бродили вразвалку по льду
В середине села на пруду
Чьи-то гуси в начале зимы.

Сердце мчалось... Густые вихры
Развевались на свежем ветру.
От Ухты и до горной Куры
Детворою кишели дворы,
Отворяя ворота добру.

И цвела на меже конопля,
И без умысла сеялся мак.
Сердце билось, как крик журавля,
Рядом с той, что всю ночь у ручья
Ворковала с тобой просто так.

Путь назад – это путь в никуда!
И, не выдержав стресса в пути,
Сердце рухнуло, словно звезда,
В том краю, где его никогда
С самокатом своим не найти!

СЛОВО

Это слово меня выводило с обочин на твердь
столбовую,
По сердцам опускалось в глубины племён и времён.
Возносило меня,
как волшебное облако,
в выси
Нежных чувств,
не остывших от сладкой июльской жары.

Это слово зачем-то рождалось,
молилось,
мужало
И зачем-то под свод собирало сородичей с раз-
ных краёв:
Сердцем к сердцу...
Плечом к плечу...
Рукой к руке...
Глазами к глазам...
И от первого крика до последнего вздоха –
устами к устам...

Это слово меня берегло от стрелы,
от пистолы,
ракеты...
Неужель завтра может убить джентльменским
набором IT
Где-нибудь на Тверской,
у Останкино,
у Эрмитажа,
На газопроводе с равнодушно-холодным
созвучьем:
поток?

Мы росли,
мы мужали,
мы мир наполняли гармонией братства,
Мы надежду в любовь облекали;
как в Господа, верили в слово.
А теперь наше слово изжовано,
сплюнуто заживо с губ.
Бессловесными дикарями проносимся мимо...
Куда?

* * *

Земля, ты уже за холмом,
А мы – на подходе к подножью...
И сумрак виляет хвостом,
И ночь скалит рожу бульдожью.

За Доном гуляет братва.
Опасна привычка – поздниться.
И кем-то помята трава,
И пьян беспробудно возница.

Не двигатель – металлолом,
Машина по брюхо в грязище.
Земля, ты ещё за холмом...
А мы тебя там где-то ищем!

* * *

За дымом – даль, за далью – дом,
А за домами – вольный Дон,
В нём облака и синь вверх дном,
И донник в дамбе – динь-донь-донь! –
Струит нежнейший аромат...
И всюду степь – вперёд, назад...
И полдень будто виноват,
Что ширь – в охват, что даль – в огляд.

И думы только об одном:
И дым, и даль, и этот дом,
И за домами быстрый Дон,
Звон струй молочных о бидон, –
Всё это – ты, твой сын, твой брат...
Никто ни в чём не виноват!

И голос сердца чист и горд:
За степь, за Дон и за народ,
За этот край лучей и гроз –
В него ты корнем, кровью врос,
Чтоб с дымом даль, а с домом Дон
Вливались в души: динь-донь-донь...

* * *

Я родился, где степи и балки,
Рукотворные всюду пруды.
Возводили их деды и бабки
Сразу после войны и беды.

А вдоль речки на семь километров
Протянулось село Красный Лог
От востока на запад, чтоб ветры
Гнали мимо холодный поток.

За домами – сады, огороды,
Луговина, лоза, камыши.
Там, сменяя друг друга, восходы
И закаты дремали в тиши,

Чтобы днём наступающим снова
Загораться и вновь отгорать...
В этом – всей нашей жизни основа,
Её горечь, её благодать!

Я теперь по чуть-чуть забываю
Край ромашек, картошки и верб,
Будто вере отцов изменяю
И меняю фамильный свой герб.

Только память сигнальной ракетой
В тёмный час озарит без огня:
Здесь мечтал быть советским поэтом,
Жаль, что поздно родили меня.

Нет Советского больше Союза!
Рвутся в новых страданиях сердца.
Собачонкой вчерашняя муза
Сиротливо скулит у крыльца.

Высоки у безвременья ставки:
Обдерут, не оставив гроша.
И российским поэтом не стал я –
Где-то в прошлом осталась душа!

Только ветры на запад с востока,
А частенько и наоборот
Гонят время вдоль Красного Лога –
Век за веком, вперёд и вперёд!

* * *

Я поеду туда, я поеду...
Ну, пожалуйста, лишь не держи!
Поклонюсь я любимому деду,
Посижу у заросшей межи.

Будут ласточки шлёпаться грудью,
Будто глиняные гольши.
Непробудная зыбь мелкопрудья
Разбежится кругами души.

Будет грустно мне и одиноко.
Знать, по сердцу межа пролегла,
Поделив, как на сотки, на сроки
Все мечты, все шаги, все дела.

Никому и ни в чём не признаюсь
Не по дружбе и не по родству.
Не могу не поехать... Я каюсь,
Но с собою тебя не зову!

В размежёванных буднях пространства
Выйду засветло я на большак.
Повстречаю единственный транспорт –
Журавлиный попутный косяк.

* * *

Ранняя птица летит на восток.
Поздние птица – на запад...
«Где твоя родина? Кликни, сынок!»
«Я позабыл её запах!»

Ранняя птица стремится на юг.
Поздняя птица – на север...
«Где твой надёжный и преданный друг?»
«В отчих просёлках затерян!»

Ранняя птица всем волю несёт.
Поздняя птица – неволю...
«Чем твоё сердце доньине живёт?»
«Верой. Надеждой. Любовью!»

